

В. Н. Седых

**СЕВЕРО-ЗАПАД РОССИИ И СТРАНЫ
СЕВЕРНОЙ ЕВРОПЫ В ЭПОХУ ВИКИНГОВ
(ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И НУМИЗМАТИЧЕСКИМ
ДАНЫМ)**

Связи Северо-Запада России и региона Санкт-Петербурга как его составной части со странами Северной Европы многогранны. В исторический период их объединяют периоды войн и союзнических отношений, экономические, политические и культурные связи и многое другое. Попытаемся на некоторых конкретных примерах, основанных на археологических и нумизматических данных, показать уровень и разнообразие связей Северо-Запада России со странами Северной Европы в раннегосударственный период.

Связи населения стран Северной Европы со своими восточными соседями отмечаются исследователями, начиная с эпохи бронзы. Не прерывались они и в последующие периоды. Так, уже в первой половине VIII века фиксируются сакрально-культурные связи двух субконтинентов, простирающихся от Приуралья на востоке до Швеции на западе. В частности, на этом пространстве зафиксированы находки поясов так называемого неволинского типа, характерного для погребений Прикамья конца VII — первой половины VIII в. (Южная Финляндия, Эстония, Центральная Швеция). Но особенно отчетливо эти связи проявились в конце I — начале II тыс. н. э. Практически все пункты, отражающие характер русско-скандинавских контактов раннего периода, сосредоточены в инте-

ресующем нас регионе. Материалы этого времени были найдены при раскопках Ладоги, Рюрикова городища, Гнездова, Сарского городища, Тимерева и некоторых других. По территории Северо-Западной России, а в то время — Верхней или Северной Руси — проходили трассы важнейших евразийских магистральных торговых путей раннего Средневековья — Волжско-Балтийского и Днепровского. Именно Волга стала той магистралью, по которой в Русь, в страны Балтики и Северной Европы поступало монетное серебро — главный предмет восточного импорта в Восточную Европу, лишенную собственных рудных запасов. К рубежу VIII—IX вв. арабское серебро из государств Средней Азии и Переднего Востока через Северный Кавказ, Хазарию и Булгар по Волге стало активно поступать в пределы Северной Руси.

Функционирование Великого Волжского пути, по мнению исследователей, явилось наряду с расселением восточных славян в лесной зоне Восточной Европы одним из основных факторов, способствовавших образованию Древнерусского государства¹.

В районе Ладоги система восточноевропейских речных магистралей смыкалась с западной ветвью морских торговых путей, сформировавшихся в VII—VIII вв., здесь же пересекались оба упомянутых торговых пути Древней Руси — это и определило особую роль Ладоги в первые века русской истории. Возникший в середине VIII века полиэтничный торгово-ремесленный поселок Ладога стал «воротами», через которые проходило движение арабского серебра в Балтийский регион². О роли, которую играло поселение в низовьях Волхова в европейской торговле серебром, говорит тот факт, что после пожара, происшедшего около 860 г. и зафиксированного на стыке горизонтов E2—E1 Ладоги, одновременно, примерно на десятилетие, прерывается поступление серебра в Швецию и на о. Готланд³. Во второй половине IX века число находок восточных монет на о. Готланд и в Швеции возросло в 8 раз по сравнению с предшествующим периодом (800—849 гг.), что свидетельствует об установлении прочных торгово-экономических связей между Северной Русью и Скандинавией⁴. Без сомнения, основная часть монетного серебра прошла через Ладогу — крупнейший транзитно-экспортный центр Восточ-

ной Европы того времени. При этом необходимо отметить определенные черты сходства в экономическом развитии Скандинавских стран и Руси, в их денежном обращении. Это прежде всего отсутствие собственных источников серебра, основные разновидности иностранных монет, использовавшихся в обращении, близкие метрологические системы и т. п. Состав находок куфических монет в кладах Швеции и Восточной Европы, в первую очередь Северной Руси, свидетельствует не только о сходстве в составе д. о., но и о существовании тесных русско-скандинавских связей⁵. Практически одновременно Древняя Русь и страны Северной Европы начали чеканить собственную монету.

Становление торговых связей со странами Востока началось в 70—80-е гг. VIII в. и определялось потребностью населения Восточной и Северной Европы в серебряной монете и серебряном сырье для ремесленной деятельности. Первые клады восточных монет появляются практически одновременно на территории Северной Руси и Северной Европы. В районе Старой Ладogi находится одно из трех скоплений ранних монетных кладов — четыре клада VIII—IX вв. Древнейший клад Восточной Европы, обнаруженный в Ладoge, датируется 786 г. и отражает начало регулярного притока куфических монет на континент. Практически одновременно, в 783 г., в Северной Европе «оседает» первый клад восточных монет (Хаммарс, о. Готланд). В древнейшем ярусе построек горизонта Е3 Ладogi найден и самый ранний дирхам чеканки 699/700 г., который фиксирует время поступления арабского серебра в пределы Северной Руси — 50—60-е гг. VIII века⁶. Всего в Ладoge зафиксировано 11 находок ранних умайядских и аббасидских монет 738—788 гг. чеканки.

Уже в первый период обращения дирхамов (до 833 г.) количество кладов, обнаруженных преимущественно на территории будущей Новгородской земли, т. е. на территории Северо-Запада России, значительно превышает число кладов в Скандинавии (всего 3), что свидетельствует об ориентации на внутренние потребности Руси в серебряной монете, а не о транзитном характере ввоза дирхамов в этот период⁷.

«Восточноевропейские вики» — открытые торгово-ремесленные поселения, такие как Ладoga в низовьях Волхова, Рю-

риково городище под Новгородом, Гнездово близ Смоленска, Тимерево под Ярославлем и др., составляли единую систему торговых центров и международных путей и входили в особое североевропейское полиэтничное культурно-экономическое сообщество, объединявшее в VIII—XI вв. страны Балтийского моря⁸. В рамках данной Балтийской цивилизации раннего Средневековья налаживается устойчивый товарообмен, основанный на единой системе средств денежного обращения: на раннем этапе — стеклянные бусы, затем — арабские серебряные монеты, позднее — немецкие и английские серебряные монеты. Анализ структуры и материалов протогородских центров Древней Руси, перечисленных выше, показал продуктивность предложенной на сопоставлении Гнездова и Бирки модели «восточноевропейского вика» — аналога западноевропейской «вик-структуры»⁹. Процесс градообразования в Древней Руси стадияльно и исторически был связан с североевропейским, скандинавским¹⁰. В «виках» начинается на Севере проповедь христианства, присутствуют христианские общины. Первым археологическим свидетельством проникновения христианства в район Ладоги является находка фризского кувшина типа «Татингер» с изображением креста в погребении скандинавского могильника в урочище Плакун, расположенного на правом берегу Волхова, напротив Староладожской крепости. Ближайшие аналогии таким кувшинам известны в некрополе шведского города викингов — Бирке. Их находки связывают с деятельностью первых христианских миссионеров в Северной Европе.

Предгородские и раннегородские центры играли основную роль в распространении среди местного населения предметов восточного импорта, прежде всего монетного. Нумизматический материал, полученный в результате раскопок памятников эпохи раннего Средневековья, позволяет сделать вывод о более широком распространении монетного серебра на территории Древней Руси, чем об этом свидетельствуют материалы кладов. Для русского денежного обращения характерна тесная связь внутреннего обмена с внешней торговлей — источником поступления общего для Восточной и Северной Европы средства платежа и обмена. Попадая компактными массами на торгово-ремесленные и военно-административные поселения,

монеты затем перемещались на отдаленные рынки в результате местного или территориального обмена — путем постепенного перехода от одного местного рынка к другому. Памятниками таких интенсивных и многоступенчатых торговых операций являются клады длительного накопления, в том числе денежно-вещевые. В эти операции было втянуто разноразличное население территорий, по которым пролегли торговые пути. Результатом таких торговых операций было распределение в памятниках различных видов артефактов, связанных с торговлей или функционированием торгово-ремесленных поселений с полиэтничным населением.

Вклад скандинавов в формирование материальной и духовной культуры Северной и шире — Древней Руси — общепризнан. В литературе достаточно обоснованно разработана периодизация этапов развития русско-скандинавских отношений¹¹, начиная с первых контактов в середине VIII в., фиксируемых в материалах Ладоги, до XIII столетия, характеризующегося внешнеполитическими столкновениями феодальных государств. Ранние контакты происходили прежде всего в дружинной среде и засвидетельствованы погребальными памятниками Ладоги, Гнездова, Тимерева и Киева. Археологические материалы фиксируют скандинавов и их семьи в числе постоянных жителей торгово-ремесленных и военно-административных центров Руси. Происходивший в них торговый и торгово-ремесленный обмен включал в себя различные виды продукции: керамику, ремесленный инструментарий, украшения, оружие и пр. Обмен на этом уровне начинается уже в середине VIII в. (Ладога), достигая максимума к середине X в. При этом различаются уровни трансляции культурных достижений, имевшие конечной целью взаимовлияния и взаимообогащения культур Древней Руси и ее непосредственных соседей — стран Прибалтики и Скандинавии. Необходимо отметить, что большинство технико-технологических заимствований, фиксирующихся на торгово-ремесленных поселениях и в древнерусских городах, было следствием непосредственного общения русских ремесленников и купцов с живыми носителями иных культурных традиций. Результатом таких контактов являются известные уже в значительном числе находки «вещей-гибридов», представляющих собой орнаментально и

конструктивно сплав мотивов и элементов Севера, Запада и Востока. На всех перечисленных выше крупных поселениях найдены клады арабского серебра и другой восточный импорт, предметы общебалтийского круга древностей и скандинавского происхождения. На многих из них скандинавы были в числе постоянных обитателей, на которых были возложены обязанности по обеспечению нормального функционирования определенных участков Балтийско-Волжского пути. В свою очередь, сами поселения возникали у наиболее сложных, ключевых участков водного пути (пороги, волоки, места раздвоения рек на рукава и т. п.), чтобы обеспечить их безопасность и контроль над ними. Появившись в Ладоге в середине VIII в., т. е. с самого начала становления торговых путей в Северной Руси, скандинавы на протяжении почти трех столетий принимали активное участие в международной торговле, поставив целью продвижение и закрепление вдоль основных водных артерий, которые вели к источникам серебра и местным пушным рынкам. Постепенно скандинавы проникли в глубь территории Руси вплоть до Волго-Окского междуречья, где их присутствие зафиксировано уже в начале IX в.

Факты постоянного присутствия скандинавов среди населения Древней Руси подтверждаются антропологическими данными¹². На территории Земляного городища Старой Ладоги исследован грунтовый могильник XI—XII вв., принадлежавший обособленной в этническом и социальном отношении группе населения. Он содержал погребения в строгом соответствии с христианским обрядом, без вещей. Регулярная планировка могильника, погребения молодых рослых мужчин, мальчиков-подростков и отсутствие женских захоронений на раннем этапе функционирования могильника свидетельствуют о том, что некрополь был основан как кладбище для погибших воинов-дружинников, и лишь позже превратился в место упокоения постоянно живущих в Ладоге скандинавов. Существовал могильник до 1153 г., когда был заложен главный храм Ладоги — собор Святого Климента. Еще одна серия мужских черепов скандинавского облика происходит из курганного могильника второй половины XII — первой половины XIII в. Куреваниха-2 в бассейне р. Мологи, где ранее были

исследованы курганные древности со скандинавскими вещевыми комплексами конца X—XI вв.

Одной из интереснейших категорий находок, отражающих повседневную, бытовую сторону жизни выходцев из Скандинавии, является посуда. В настоящее время среди разнообразной посуды комплексов, определяемых как скандинавские, к последним однозначно могут быть отнесены глиняные сосуды определенной формы и сосуды из жировика. Находки фрагментов *сосудов из стеатита (жировика)*, происходящие из материалов Гнездова, Старой Ладogi и Киева, является своеобразным «норвежским вкладом» в формирование набора посуды Руси эпохи викингов.

Отличительной особенностью выявленных на древнерусских материалах скандинавских керамических сосудов является загнутый внутрь округлый венчик. Эти сосуды соответствуют группе керамики местного производства (*einheimische Keramik*), найденной на территории Швеции (тип AIV)¹³. Эта группа местной керамики имеет наибольшее распространение в период с четвертой четверти IX столетия до 1000 г.¹⁴ Этим же временем датируются эти сосуды на Руси. Кроме Швеции, аналогичные сосуды происходят из курганов на Аландских островах¹⁵, поселений Дании, Германии и др.¹⁶

Впервые сосуды этого вида были обнаружены при исследовании Тимерёвского поселения под Ярославлем. В настоящее время такие сосуды выявлены в материалах ярославских могильников (Тимерёвский, Михайловский, Петровский) и других памятников Древней Руси. Из погребальных комплексов необходимо назвать оятские курганы юго-восточного Приладожья — комплекс кургана № 4 у д. Гайгово, датирующийся X — началом XI в., могильника Плакун в Старой Ладогe, курган № 77 Лесной группы (раскопки Д. А. Авдусина) Гнездовского археологического комплекса. Из поселений, где встречается такая посуда, кроме упомянутого Тимерёва, следует назвать Ладогу, где эта керамика представлена единичными экземплярами в древнейших слоях Земляного городища — в горизонтах E3-1 (1-я треть IX в.) и E1 (2-я пол. IX в. — 1-я четверть X в.) и в слоях 1-й половины и 3-й четверти X в. в раскопе на Варяжской улице, на Сарском и Рюриковом городищах¹⁷. Сосуды рассматриваемой формы в целом немногочисленны в ке-

рамических комплексах памятников Древней Руси. Встречены они, как было показано выше, в торгово-ремесленных, военно-административных центрах и в древнейших городах Руси, причем датируются они в основном X столетием, то есть периодом, когда скандинавы стали проживать в означенных центрах постоянно, т. е. семьями. Таким образом, к числу важных показателей теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей следует отнести и такой элемент скандинавской женской субкультуры, как керамика.

Увеличение торговой и политической активности скандинавов в IX—X вв. засвидетельствовано письменными источниками — русскими летописями, сообщениями восточных авторов (Ахмед Ибн-Фадлан, ал-Балхи и др.) и скандинавскими сагами, а также археологическими и нумизматическими данными. Археологические исследования последних десятилетий обогатили отечественную науку рядом новых категорий источников — берестяные грамоты, клинковая эпиграфика, ведущим специалистом по которой является А. Н. Кирпичников, а также новая категория, имеющая археолого-нумизматическое происхождение — граффити на монетах, преимущественно на куфических. Впервые в значительном числе они были зафиксированы на монетах крупнейшего клада IX столетия для всей Северной и Восточной Европы — Тимерёвского под Ярославлем. Эта находка послужила толчком для активизации изучения монетного материала в стране. В настоящее время граффити на монетах происходят из погребений VIII—XI вв., в том числе из погребений X в. Гнездовского и Киевского некрополей, а также из материалов крупнейших археологических комплексов (Новгород, Гнездово, Тимерёво) и кладов арабского серебра IX—XI вв. Результатом изучения отечественных граффити на монетах стала монография, подготовленная в содружестве нумизматом И. Г. Добровольским, археологом И. В. Дубовым и рунологом Ю. К. Кузьменко в 1991 г.¹⁸

На Западе, в Скандинавских странах, изучением монет с граффити успешно занималась шведский нумизмат Улла Линдер Велин, которая составила сводку граффити на основе кладов континентальной Швеции, Готланда и частично Финляндии. Оставляя в стороне причины появления и назначение граффити, отметим, что все граффити на восточных монетах

делятся на рунические и изображения предметов вооружения, соответствующие ранней и поздней стадиям периода нанесения граффити на монеты.

Следует отметить, что основные типы выявленных граффити на восточных монетах представлены в материалах Древней Руси, преимущественно из района Балтийско-Волжского пути, и Скандинавии, являясь общим достоянием северо-европейской культуры и показателями теснейших русско-скандинавских экономических и культурных связей эпохи раннего Средневековья. Однако на Руси мы не знаем ни одного достоверного изображения молота Тора — символа скандинавского языческого бога. В Скандинавии же подавляющее большинство граффити на восточных монетах связаны с культом Тора — либо это изображения молотов Тора, либо заклинания и посвящения этому богу. Но в целом скандинавский массив источников более однообразен, нежели древнерусский.

Если граффити в виде восточных и рунических надписей, некоторые предметные изображения известны не только в наших материалах, но и скандинавских, то знаки Рюриковичей, прорисованные на куфических монетах, характерны только для территории Древней Руси.

Наибольшее количество монет с граффити (20) происходит из Петергофского клада, обнаруженного летом 1941 г. Младшая монета клада датируется 804/805 г. Клад запечатлел весь спектр связей этого региона, на монетах клада «расписались» все известные участники внешних связей Древней Руси — варяги и хазары, взимавшие дани со славян и финно-угров, византийцы и арабы — активные и ведущие торговые партнеры русов и славян IX—X вв.¹⁹ Среди граффити — единственная известная надпись на греческом языке — библейско-христианское имя «Захариас» (*Захария*), скандинавские руны, в том числе скандинавские рунические надписи — имя *Убби* и прилагательное «*полновесный, ценный*», тюркские (хазарские) руны и, наконец, собственно арабские надписи (помимо надписей монетного чекана), в том числе надпись «*Хвала Аллаху!*». Кроме Петергофского, в акватории Финского залива известен еще один клад, относящийся к первому периоду обращения дирхамов (до 833 г.) — клад из Галерной гавани Васильевского острова, обнаруженный в конце XVIII в. Оба

«петербургских» клада выделяются своим «приморским» положением среди остальных кладов этого периода, сосредоточенных вдоль больших и малых речных путей Восточной Европы.

В целом эти находки характерны для огромной территории Северной Европы. Граффити на монетах — явление интернациональное, значение их многообразно, и надо ожидать пополнения этой новой категории источников в будущем.

С открытием нового вида источников — граффити на монетах — получило дополнительное обоснование высказанное мною в 1994 г. предположение об использовании монет в качестве религиозных символов. Речь идет о монетах, которые использовались в качестве *христианских символов*, а их появление было связано с проникновением христианства в древнерусское общество²⁰.

К этой группе монет отнесены в первую очередь *кресты, вырезанные из дирхамов и западноевропейских динариев*, которые суммарно датируются концом X—XI вв. Это самые ранние находки крестов, вырезанных из монет, известные на территории Древней Руси. Богатый и разнообразный инвентарь погребений с христианскими древностями свидетельствует о распространении новой религии прежде всего среди представителей высших слоев общества Древней Руси, в которых был значителен скандинавский элемент.

В числе *первых предметов христианского культа* были и *византийские монеты*, центральным изображением которых является крест. Это предположение подтверждается материалами раскопок могильника эпохи викингов Маску-Хумиккала в Финляндии, где в мужских и женских погребениях встречены подвески, состоящие только из одной монеты, которая в пяти случаях из девяти является милиарисием императора Василия II (976—1025) или его подражанием²¹. По мнению финского нумизмата Туукка Тальвио, популярность византийских монет-подвесок — это следствие их религиозной символики.

Среди граффити на восточных монетах зафиксированы *изображения в виде крестов*. Прежде всего необходимо назвать находку дирхама в срубном детском погребении в усадьбе Десятинной церкви Киева. Монета имеет два круглых отверстия

для ношения, на ее поверхности процарапан крест с тремя перекладинами. Уже в 1910 г. один из участников раскопок, С. П. Вельмин, предположил, что этот дирхам носился как иконка. Это мнение было поддержано Б. В. Фармаковским. В качестве христианского символа рассматривается эта монета и современными исследователями, нумизматами и историками²².

Наше предположение подтверждается многочисленными материалами кладов, в составе которых зафиксированы изображения крестов. Монеты, на которых два одинаковых креста нанесены на обеих сторонах, известны из памятников за пределами Древней Руси, в частности, из материковой Швеции и с о. Готланд (№ 257 и 425)²³. Следует отметить также изображения так называемых «полных крестов» — греческих, латинских, парадных — на монетах из Скандинавии (№ 401, 240, 354, 379, 361). Одна из находок с о. Готланд (№ 361) представляет собой монету-привеску из милиарисия чеканки 945—959 гг., на которой изображен десятиконечный («голгофский») крест. Изображение мальтийского креста размером во весь дирхам известно на одной из монет Клейменовского клада. Как справедливо отмечают исследователи, изображение креста становится в X веке одним из ведущих типов граффити на монетах.

В технике граффити выполнены и монограммы «Иисус Христос», выявленные на двух монетах из собрания Государственного Эрмитажа (№ 151 и 111?).

Наконец, из собрания бывшего Азиатского музея происходит монета, на лицевой стороне которой процарапана надпись, как бы повторяющая арабскую круговую легенду. В переводе с древнегрузинского она означает «христианство». Аналогичная по смыслу надпись, дословно означающая «благотворительная христианская легенда», нанесенная на куфическую монету, известна из Скандинавии.

Появление таких надписей на мусульманских монетах, очевидно, свидетельствует о возрастающем влиянии христианства в среде населения Северной и Восточной Европы.

Таким образом, очевидно, что рассмотренные выше вырезанные из монет кресты, византийские, западноевропейские, возможно, древнерусские монеты с изображением креста

и/или христианских правителей, превращенные в привески, монеты с граффити, на которых зафиксированы изображения различных видов крестов, монограммы «Иисус Христос», равно как и христианские надписи-граффити, являются ценнейшими источниками по истории христианизации Древней Руси и сопредельных государств Северной Европы. Этот процесс на ранних этапах затронул прежде всего представителей высших ступеней социальной лестницы древнерусского государства, среди которых был значителен скандинавский этнический компонент — вспомним летописную фразу: «Мнози бо беша варязи христиане» — что нашло свое отражение в погребениях дружинных кругов X—XI вв.

В заключение еще один сюжет, связанный с ранней русской историей и рассматриваемыми нами археолого-нумизматическими данными. Согласно письменным источникам, подтвержденным и дополненным данными археологии, после непродолжительного периода, сопровождавшегося выплатой дани заморским варягам, конфедерацией северных племен, был приглашен на княжение Рюрик. По сведениям древнейших авторитетных и неотредактированных списков летописей, «сел» Рюрик в Ладоге, которая, очевидно, уже была столицей некоего раннегосударственного образования в северной части Восточной Европы в предшествующий период и где находилась резиденция «хакана» народа «рос» франкских Бертинских анналов. Призванный князь укрепляет Ладогу, затем, вскоре, переносит столицу зарождающегося государства к истокам Волхова, на Городище. Одновременно ведется борьба за обладание торговыми путями, строительство крупных военно-торговых поселений. При этом, очевидно, была разрушена установившаяся в предшествующий период система даней и торговли. Все эти события и деяния сопровождались дестабилизацией обстановки в государстве, которая нашла, как представляется, свое отражение в нумизматическом материале. На территории Восточной Европы известно значительное число кладов восточных монет — дирхамов, которые являются, по мнению исследователей, достаточно чуткими показателями интенсивности, направлений и уровня связей Руси с внешним миром.

Монетные клады — памятники, отражающие состав денежного обращения, направление экономических, политических, культурных связей определенной страны в определенный период, являются своеобразными регуляторами нормального функционирования товарного рынка, где монетная масса — количество монет (денег) — зависит от двух основных составляющих рынка: от общей суммы цен обращающихся товаров (суммы товарных цен) и от интенсивности торговых операций, т. е. скорости обращения денег²⁴. Возникновение синхронных или близких по времени «резервных фондов», переход обращающейся монеты в неподвижное сокровище можно объяснить, при наличии иных причин, двумя основными: сильные общественные потрясения (войны, междоусобицы, народные восстания, вражеские нашествия), имевшие следствием этих потрясений захирение экономической жизни государства (уменьшение количества товаров, замедление скорости их обращения, упадок деятельности рынка и потребности его в деньгах) и, напротив, оживление деятельности рынка, развитие товарно-денежных отношений.

Значительное внимание проблеме восточноевропейских кладов восточных монет уделено в исследованиях Т. С. Нунана²⁵. Ссылаясь на опубликованные Т. Нунаном данные, А. Н. Кирпичников в ряде статей характеризует период 860—880-х гг. как время роста торговой активности и расширения международной торговли²⁶. Приведенные сопоставления, по мнению автора, говорят о неуклонном росте монетных поступлений на территорию Восточной Европы в период, совпадающий с деятельностью основателя новой династии князя Рюрика, свидетельством чего являются многочисленные клады арабских монет этого периода. Действительно, в период 860—879 гг. количество выпавших кладов значительно увеличилось: именно в эти годы было захоронено более половины всех дирхамов, зарытых в Восточной Европе в период между 780 и 899 гг. Однако анализ композиций кладов этого периода показывает, что многие из дирхамов, импортированных в Восточную Европу *до времени правления Рюрика*, еще долго оставались в обращении. Так, в кладах этого периода почти все эти старшие дирхамы были импортированы в Восточную Европу *до эпохи Рюрика*²⁷. Сравнение состава восточноевропей-

ских кладов этого периода с составом кладов с Ближнего Востока с убедительностью показывает, что они различны. Так, известный клад 878/79 г. из Сузы (Иран) содержал 90% дирхамов, отчеканенных в 860—870-х гг. То есть в 860—870-е гг. на Ближнем Востоке обращалось совсем немного старых дирхамов. Таким образом, большинство старых дирхамов, бывших в обращении в Восточной Европе во времена Рюрика, попали туда до 860 г., в период *предшествующих интенсивных русско-исламских торговых связей*.

Как считает В. Н. Рябцевич, «упадок экономики на определенной территории может иметь своим выражением резкое увеличение числа монетных захоронений только в том случае, если территория эта о б л а д а л а р а н е е достаточно развитыми товарно-денежными отношениями» (разрядка наша. — В. С.)²⁸. Именно эти, скопившиеся ранее сокровища, в период экономического упадка помещались в землю «до лучших времен».

Очевидно, что накопленные в Восточной Европе в предшествующий призванию Рюрика период богатства в виде серебряных дирхамов и привлекали викингов в русские земли. Основной целью проникавших в глубь восточноевропейской территории групп викингов было подчинение местного населения, обложение его регулярной данью, контроль над участками Великого Волжского пути — основной магистрали поступления восточного серебра, т. е. борьба за доминирующее положение в русско-исламской торговле. Военно-политическая нестабильность в эпоху Рюрика способствовала тому, что накопленные ранее дирхамы стали попадать в землю. Клады этого периода зафиксированы на основной государственной территории того времени, в столицах — Новгород (864 г.), два клада Рюрикова городища 860-х гг., Ладога (см. ниже), на путях, контролировавшихся, очевидно, сторонниками Рюрика (Панкино, 863 г., Иловец, 864 г., Потерпильцы, 866 г., Москва, 866 г., Супруты, 866 г., торопецкая округа — 867 г., Шумилово, 871 г., Кузнецкое, 870-е гг., и др.), в военно-торговых и военно-административных центрах, основанных в этот период (три тимерёвских клада 860-х гг.). Кроме того, учитывая существовавшую в Восточной Европе традицию помещения серебра в землю с целью сбережения сокровищ, можно предпо-

ложить, что в число кладов, отражающих следствие этих бурных событий, должны быть включены сбережения, не востребованные, не изъятые из-за тревожной обстановки, но спрятанные в землю до ее наступления, т. е. в период, предшествующий событиям 860-х гг. К такимкладам, очевидно, при- мыкают клады, обнаруженные на Западной Двине — Даугаве, датируемые по младшей монете временем до призвания Рюрика — Ахремцы, 852 г., Гробин, 853 г., Соболево, 857 г. — и эпохой Рюрика — Лучёсы, 862 г., Витебская губ., 866 г., Лифляндская губ. 872 г.²⁹ Как и «среднеокский» сгусток кладов (Растовец, 864 г., Борки, 867 и 869 гг., Мишнево, 869 г., Гручино, 860-е гг., Острогов, 870 г., Хитровка, 873 г., Железницы, 878 г.), клады по этой водной магистрали — Западная Двина — Даугава — обязаны своим появлением, вероятно, поискам новых вариантов торговых путей зарождающегося государства.

Упомянутый выше ладожский клад дирхамов с младшей монетой 847 г., исходя из стратиграфического анализа, был спрятан, по данным О. И. Давидан, очевидно, не ранее чем с уровня горизонта Е-1, т. е. начиная с 870-х гг.³⁰

Вспышкой военных действий, «которые нарушали картину нормального, равномерного и довольно редкого не востребо- вания кладов», объясняют В. А. Булкин и Д. А. Мачинский появление двух «сгустков» кладов (волго-балтского и средне- окского) в период 862—878 гг.³¹ Непокойное время отрази- лось, очевидно, и в другом виде памятников — в погребаль- ных древностях.

Таким образом, очевидно, правы те исследователи³², кото- рые считают начальный период становления древнерусского государства — эпоху Рюрика — временем обращения огром- ного количества дирхамов, поступивших в пределы Восточ- ной Европы до 860 г., скромного уровня коммерческих отно- шений с Востоком и интенсивных столкновений в землях, включаемых в состав молодого государственного образова- ния.

---

¹ Дубов И. В. Великий Волжский путь в истории Древней Руси // Междуна- родные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII веков. Материалы Международного симпозиума. Казань, 1999. С. 88—93; Мельнико- ва Е. А. Балтийско-Волжский путь в ранней истории Восточной Европы //

Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX—XII вв. Материалы Международного симпозиума. С. 80—87; *Носов Е. Н.* Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории средневековой Европы. М., 1999. С. 157—170; и др.

² *Магинский Д. А.* Ладога — древнейшая столица Руси и ее «ворота в Европу» // Старая Ладога — древняя столица Руси. Каталог выставки. СПб., 2003. С. 11—35.

³ *Потин В. М.* Древняя Русь и европейские государства в X—XIII вв. Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

⁴ *Noonan T. S.* The Vikings in the East: Coins and Commerce // *Birka Studies*. Vol. 3. Stockholm, 1994. P. 225—226.

⁵ *Потин В. М.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX—XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России. IX—XX вв. Л., 1970. С. 65—66.

⁶ *Седых В. Н.* Монетные находки в Старой Ладоге и возможности археолого-нумизматического исследования // Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения профессора В. И. Равдоникаса. Тезисы докладов. СПб., 1994. С. 46—47.

⁷ *Янин В. Л.* Русские денежные системы IX—XV вв. // Древняя Русь. Город, замок, село. М., 1985. С. 364—375.

⁸ *Лебедев Г. С.* Скандобалтика и Русь в историко-культурном процессе раннего средневековья Европы (VIII—XI вв.) // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 7—23.

⁹ *Булкин В. А., Лебедев Г. С.* Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. К 70-летию М. К. Каргера. Л., 1974. С. 11—17.

¹⁰ *Куза А. В.* Древнерусские поселения // Древняя Русь. Город, замок, село. С. 39—104.

¹¹ *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Историко-археологические очерки. Л., 1985.

¹² *Санкина С. Л.* Скандинавские группы на Руси // Европа — Азия: Проблемы этнокультурных контактов. К 300-летию Санкт-Петербурга. СПб., 2002. С. 139—143.

¹³ *Седых В. Н.* Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси // Тверской археологический сборник. Тверь, 2001. Вып. 4, т. II. С. 153—158.

¹⁴ *Selling D.* Wikingerzeitliche und frühmittelalterliche Keramik in Schweden. Stockholm, 1955. S. 166—174, 226.

¹⁵ *Гакман А.* Археологические раскопки в Аландии летом 1901 г. // ИАК. № 38. СПб., 1901; *Kivikoski E.* Kvarnbacken. Ein Gräberfeld der jüngeren Eisenzeit auf Åland. Helsinki, 1963; *Kivikoski E.* Langangsbacken. Ett gravfält från yngre järnåldern på Åland // SMYA. № 80. Helsingfors, 1980.

¹⁶ *Madsen H. J.* Keramik // Andersen H. H., Crabb P. J., Madsen H. J. Århus Sønder vold en byarkaeologisk undersøgelse. København, 1971; *Knudsen B. M., Schiørring O.* Fra grubehus til grillbar. Horsens i 1000 år. Horsens, 1992; *Meier D.* Winning — Eine wikingerzeitliche Siedlung am Ufer der inneren Schlei // Studien

zur Archäologie des Ostseeraumes. Von der Eisenzeit zum Mittelalter. Neumünster, 1998.

¹⁷ *Седых В. Н.* Об одной группе лепной керамики на памятниках Древней Руси. С. 156.

¹⁸ *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.

¹⁹ *Лебедев Г. С.* Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. СПб., 2002. С. 21—35.

²⁰ *Седых В. Н.* О функциях монет в погребениях Древней Руси // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция. Великий Новгород, 16—21 апреля 2001 г. Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 106—108.

²¹ *Талвио Т.* Монеты из захоронений эпох викингов и крестовых походов в Финляндии // Новое в археологии СССР и Финляндии. Л., 1984. С. 177.

²² *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. С. 77.

²³ Здесь и далее номера даны по каталогу монет с граффити, изданному И. Г. Добровольским, И. В. Дубовым и Ю. К. Кузьменко в 1991 году.

²⁴ *Рябцевиг В. Н.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // Вопросы истории древнего мира и средних веков. Минск, 1970.

²⁵ *Noonan T. S.* Ninth century dirham hoards from European Russia: A preliminary analysis // Viking-Age Coinage in the Northern Lands / Ed. by M. A. S. Blackburn and D. M. Metcalf. Oxford: BAR, 1981. P. 47—117; *Noonan T. S.* The first major silver crisis in Russia and the Baltic // Hikuin. 1985. N 11. P. 41—50; *Noonan T. S.* Fluctuations in Islamic trade with Eastern Europe during the Viking Age // Harvard Ukrainian Studies. 1992. N 16. P. 237—259; *Noonan T. S.* Viking-Age dirham hoards from Eastern and Northern Europe // A Surve of numismatic research. 1990—1995 / Ed. by Cecile Morrisson and Bernd Kluge. Berlin: International Numismatic Comission, 1997. P. 751—759; *Noonan T. S.* The impact of the Islamic trade upon urbanization in the Rus' lands: the tenth and early eleventh centuries // Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient [Actes du Colloque International tenu au Collège de France en octobre 1997 / Éditées par M. Kazanski, A. Nercessian et C. Zuckerman (Réalités byzantines 7). Paris: Lethielleux, 2000. P. 379—393; *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 гг. из Любьни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции. Санкт-Петербург, 26—29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 152—156; и др.

²⁶ *Кирпигников А. Н.* Великий Волжский путь, его историческое и международное значение // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь» и Международного научного семинара «Историко-культурное наследие Великого Волжского пути». Казань, 28—29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 9—35; *Кирпигников А. Н.* Великий Волжский путь и эпоха торговой революции // Великий Волжский путь: история формирования и развития. Материалы Круглого стола «Великий Волжский путь и Волжская Болгария» и Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь». Казань, 2002. Ч. II. С. 188—217.

²⁷ *Седых В. Н.* Верхнее Поволжье в системе Великого Волжского пути (по археолого-нумизматическим данным) // Великий Волжский путь. Материалы II этапа Международной научно-практической конференции «Великий Волжский путь», Санкт-Петербург — Стокгольм — Санкт-Петербург, 5—14 августа 2002 г. Казань, 2003. Ч. II. С. 137—145.

²⁸ *Рябцевиг В. Н.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ. С. 161.

²⁹ *Марков А.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

³⁰ *Магинский Д. А.* Почему и в каком смысле Ладогу следует считать первой столицей Руси // Ладога и Северная Евразия от Байкала до Ла-Манша. Связующие пути и организующие центры. Шестые чтения памяти Анны Магинской. Сборник статей. СПб., 2002. С. 5—38.

³¹ *Булкин В. А., Магинский Д. А.* Русь конца VIII — начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне (Проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986. С. 14.

³² См., например: *Нунан Т. С., Ковалев Р. К.* Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика. С. 152—156 и др.